

У нас в гостях МГИМО (к 75-летию образования)

© 2019 г.

С. А. КРАВЧЕНКО

ЦИФРОВЫЕ РИСКИ, МЕТАМОРФОЗЫ И ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (sociol7@yandex.ru).

Аннотация. Цифровые метаморфозы в обществе риска дали импульс к развитию центробежных тенденций, травмирующих сознание и поведение молодых людей, высвобождая их из контекста традиционных социальных связей. Ведется поиск инновационных подходов к диагностике и управлению социумом, все более обретающим дисперсионную природу. Анализируются центробежные тенденции, их влияние на становление молодежи как качественно новой социальной группы в условиях «цифровой революции» (У. Бек). Среди них: фрагментация социума; индивидуализированные формы существования, пассивные по сути; риски, приходящие от других культур; качественные изменения представлений о счастье, справедливости, телесности; мобильности; парадоксальное сосуществование рискофобии и рискофилии. Для валидной диагностики и формирования новых принципов управления реалиями необходим интегральный инструментарий, нацеленный, в частности, на учет в государственном управлении значимости отдельных социальных сообществ, чья функциональность ограничена пространственно-временными границами; на выработку инициатив по увеличению роли центростремительных трендов; на вооружение учащихся знанием о побочных проявлениях процессов цифровизации социума; на создание устойчивой моральной атмосферы, основанной на торжестве социальной справедливости, преодолении «текущих страхов»; выработку мер и программ по развитию активистских установок. Делается прогноз о возможности перехода цивилизаций и обществ к гуманистическому тренду развития.

Ключевые слова: сложный социум • цифровые риски • «цифровые метаморфозы» • цифровая социализация • центробежные тенденции • укорененность • цифровой поворот • гуманистический поворот

DOI: 10.31857/S013216250006186-7

Сегодня мы наблюдаем процесс зарождения и повсеместного развития центробежных тенденций в усложняющемся социуме. Их травматические последствия особенно сказываются на сознании и поведении молодых людей, что конкретно проявляется в освобождении от укорененности (disembedding) их социальных отношений с вынесением их из местных и национальных контекстов. У Э. Гидденса это понятие используется в значении делегализации социальных отношений под влиянием распространения символических знаков и экспертных систем, которые помогают справляться с динамикой времени, места, а также рисков [Giddens, 1990]; в работах У. Бека оно обозначает уход от исторически предписанных социальных форм и привязанностей как составляющая процесса индивидуализации [Beck, 2002]. Возникает

принципиально новый вызов для социологии – необходима выработка подходов к диагностике и управлению социумом, все более обретающим *фрагментарную, дисперсионную природу*. На наш взгляд, центробежными тенденциями, явно и латентно разрушающими социальные связи, можно и нужно управлять, учитывая природу *качественно новых реалий*. Эти тенденции мирового характера имеют длительную историю. Соответственно, важно проанализировать глубинные причины их развития, а также становление *«радикального типа индивидуализации»* (У. Бек) с акцентом на вновь появившиеся факторы изменения жизнедеятельности, среди которых усложняющиеся *неопределенности, цифровые риски и метаморфозы*.

Социокультурная динамика от личностных рисков к сложным цифровым рискам и метаморфозам. По У. Беку, в условиях традиционного и раннего индустриального общества рождаются *личностные риски*, интерпретировавшиеся как мужество, отвага, действия на удачу, которые в зависимости от результата могли принести славу или осуждение и забвение. Однако их распространение ограничено, ибо в обществе доминировали *традиционные действия* [Вебер, 1990: 602–603], обеспечивавшие *укорененность* социальных связей. Риск не входил и в дискурс повседневной жизни, его смысл заменялся понятием *судьбы*, олицетворявшем *потустороннюю неопределенность*, которая приносила или Добро, или Зло. В то время мало кто пытался минимизировать последствия рисков, полагаясь на «благодарность» или «покорность» судьбе (институты страхования только зарождались). Положение дел существенно изменилось в эпоху первой индустриальной революции – возникли и получили массовое распространение *риски добровольного принятия опасных практик индустриализации*, по существу ставшие *значимым импульсом* развития центробежных тенденций. В сравнении со старшими поколениями молодые люди легче расставались с укорененностью в деревенской жизни, переезжали в строящиеся города и становились главным источником заполнения вакантных мест на заводах и шахтах. Городская жизнь также предполагала переход к рискованным ценностям и нормам различных субкультур, влекших за собой девиации и возможность утраты здоровья. Получило развитие страхование жизни, имущества и здравоохранение, стали создаваться менее опасные технологии, а социальные институты все более адаптировались к многообразию городских реалий (спортивные и образовательные клубы, общества по интересам, лечебные учреждения). Природа рисков принципиально менялась под влиянием второй промышленной революции (конец XIX – начало XX в.), знаменовавшей переход к конвейерным технологиям, к биополитике, основанной на «культуре опасности» [Фуко, 2010: 89], и особенно – при третьей промышленной революции (середина – конец XX в.), предполагавшей утверждение информационных технологий, доминирование искусственно производимых *кодов сигнификации*, разрушавших стабильные, долгоживущие смыслы жизни и производивших центробежные тенденции. В результате возникают *индивидуализированные риски*, которые «в общем и целом продукт передовых промышленных технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться» [Бек, 2000: 14–24]. Их принципиальное отличие от прежних типов рисков заключается в том, что от них *нельзя отказаться*, ими нельзя управлять с помощью лучших научных технологий, ибо они являются имманентной частью социума, в котором центробежные тенденции становились нормой. Положение дел с рисками *радикально изменилось* с переходом от «общества риска» к «мировому обществу риска», а также с развитием *цифровизации социума*. У. Бек выделяет три характерные черты новейших сложных рисков XXI в.: 1) «делокализованы» (их причины и последствия не ограничены одним географическим пространством); 2) «неисчислимы» (ибо «включают “гипотетические” риски, основанные на научно обобщенном незнании и нормативном инакомыслии»); 3) «не поддаются компенсациям» (никакими деньгами нельзя восполнить «необратимое климатическое изменение» или «необратимые интервенции в существование человека», вызванные генетическим воздействием) [Бек, 2010: 52]. Существенный вклад в производство *центробежных форм жизнедеятельности* вносит нынешняя четвертая промышленная революция, основанная на *цифровизации социума, экономики, человека*, ведущая к еще большей *фрагментации*

социума за счет появления «цифрового риска» и «цифровой метаморфозы общества, интерсубъективности и субъективности» [Beck, 2016: 140].

Центробежные тенденции существенно меняют природу социальной реальности, побуждая ученых к ее переоткрытию через обоснование инновационных подходов [Кравченко, 2010]. Отметим десять из них в контексте конкретного влияния на молодежь.

Во-первых, в России и мире в целом идет процесс *фрагментации социума*, вызванный тем, что институты, призванные выступать выразителями интересов различных социальных групп и прежде всего молодежи, утрачивают связь с обществом, становятся инструментами обслуживания частных интересов. Это «ведет к росту неопределенности в понимании основных ценностей, плюрализму и диффузии социальных пространств и идентичностей, снижению управляемости, возрастанию рисков в процессе принятия социально значимых решений» [Горшков, Петухов, 2017: 209]. Дисперсия ценностей, по существу, становится нормой – данный процесс мы рассматриваем как утверждение «нормальной аномии» [Кравченко, 2014]. Фрагментации социума способствуют «цифровой риск» и «цифровая метаморфоза общества», которые обуславливают «сбой в функционировании институтов» [Beck, 2016: 140]. В результате происходит метаморфоза институциональной индивидуализации в «радикальный тип индивидуализации» [Beck, 2002]: молодые люди стремятся вообще освободиться от институциональных отношений, привязанностей к локальному культурному контексту и начинают в большей мере зависеть от самих себя, последствий собственных рисков.

Во-вторых, под влиянием радикальной индивидуализации начинают доминировать тенденции к *индивидуализированным формам* существования, *пассивным* по сути, что способствует развитию *одиночества*, особенно характерного для западной культуры, но уже приходящего и к нам [Лузанова, 1998; Riesman, 2001]. Об этом также свидетельствует значительная доля (19% в 2016 г.) распространения *пассивистских установок* типа: «без поддержки государства мне и моей семье не выжить», «нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней». При этом и *активистская установка* деформируется в направлении радикальной индивидуализации: «готовность к действию и ответственность прослеживаются только на короткой дистанции, замкнуты на самом человеке и его непосредственном окружении»; возникают «Я-ориентированные» социальные типы – солидарность, стремление помогать людям, участвовать в решении общих дел, равнодушные к проблемам своего города высказали лишь от 6 до 16% респондентов [Горшков, Петухов, 2017: 211–214]. Как нам представляется, этим тенденциям индивидуализации способствует особо распространенная среди молодежи «массовая самокоммуникация» – по М. Кастельсу, форма коммуникации, включающая Интернет, аватар-интеракцию в виртуальном пространстве, цифровой контент. В итоге формируется «новая среда» [Castells, 2010: XXX], которая предоставляет новые коммуникативные возможности (связывание глобального и локального в выбранное время, охват массовой аудитории), однако ее побочными последствиями является *сжатие мировоззренческого восприятия* – видение общественных проблем ограничено тем социальным кругом, с кем собственно осуществляется общение; утверждаются пассивные формы существования, не ориентированные на развитие пассионарности, не нацеленные на общественно значимые преобразования.

В-третьих, под влиянием центробежных тенденций риски *космополитизируются* посредством *глоболокальных взаимодействий* [Robertson, 1995]. «Лишь ничтожная часть рисков “нового типа” хоть сколько-нибудь связана с национальными границами» [Гидденс, 2004: 50]. Тому объективно способствует *цифровизация социума*, резко увеличивающая производство и распространение информации, нередко без культурных смыслов. Молодые люди сталкиваются с рисками, пришедшими из других стран. Однако для их валидной диагностики им не хватает *укорененного культурного контента*. Ситуация усугубляется тем, что государство и общественные институты недостаточно противостоят этим вызовам, ослаблены функции защиты молодых людей от культурно чуждых им артефактов и социальных практик.

В-четвертых, факторы центробежных тенденций и цифровизации социума радикально меняют *повседневную жизнь молодежи*. Молодые люди «стали зависимыми от “гугливания”».

Мы начали перестраивать все культурные смыслы и ценности применительно к техническому миру. Тинэйджеры начинают жить, как будто у них нет культурных ресурсов: «должны полагаться на другие многочисленные факты и мнения, доступные из их мобильных компьютеров» [Vanderburg, 2016: 254, 261]. Соответственно, качественно *изменяются их представления о счастье, справедливости и даже телесности*. Если прежде такие представления имели социокультурный смысл, основывалось на укорененных ценностях и нормах, то ныне успех в жизни в значительной степени определяется адаптацией индивида к цифровой среде. В результате молодые люди, подверженные кодам сигнификации о Добре и Зле, попадают в *зависимость от цифровых реалий*, определяющих характер их поведения, в котором начинают преобладать ценности новизны. При этом особенно деформируется мышление: вне укорененных ценностей оно становится примитивнее и упрощается функционированию техники.

В-пятых, новая генерация центробежных мобильностей также способствует метаморфозе тела в *не-тело* – «ничто» в виде тела, сформированного кодами сигнификации в виде «идеализированного, рационального» сочетания цифр (ныне: 90–60–90), взятого вне культурного контекста, стремящегося к эмоциям, наслаждениям, развлечениям, новизне, новым местам и людям.

В-шестых, *мобильности метаморфозируются*. Современный молодой человек предрасположен к *центробежной мобильности*, основанной на цифровом контенте: учеба или работа на расстоянии, включая рубежные практики, а также *воображаемые путешествия* посредством образов мест и народов, возникшие *виртуальные мобильности, коммуникативные взаимодействия людей* посредством посланий, текстов, телефона [Urry, 2008: 47] – все эти реалии предполагают задействование цифровых технологий. Возникающие при этом метаморфозы проявляются в том, что если раньше мобильности предполагали характерную *иерархизацию социума*, чему соответствовали рельефно выраженные, относительно долговременные тенденции *горизонтальной и вертикальной мобильности*, несмотря на их подверженность флуктуациям [Сорокин, 2000], то теперь они замещаются *короткоживущими мобильностями центробежного толка*. Их суть в том, что прежде *собственно социальная мобильность* была в значительной степени *структурирована* – ею сравнительно легко можно было управлять, полагаясь на те или иные укорененности. Ныне же появились *неструктурированные* центробежные мобильности в виде *потоков* людей, знаний, информации, денег, опасностей и вызовов, которые практически не управляются государствами и не зависят от социально-культурных практик укорененности. Это означает, что развитие центробежных мобильностей, основанных на цифровых технологиях и децентрализации человеческих связей, *идет вне национальных обществ*.

В-седьмых, *изменяется трудовая деятельность*, обретающая все более *центробежный характер*. Идет процесс «прекаризации занятости на молодежном рынке труда», который, в частности, проявляется в том, что растет децентрализация занятости, увеличивается зарегистрированная и незарегистрированная безработица, полный рабочий день вытесняется неполным – развитие получают «текущая» занятость, скользящие графики работы и т.д. Возникают виды деятельности, в которых грани между рабочим и нерабочим временем стираются. Обозначился «резкий спад спроса на молодые кадры... в этой ситуации реально существует парадокс – при провозглашении потребности в опоре на новое поколение работников именно молодежь является наиболее ущемленной и дискриминируемой группой – безработица среди них превышает в несколько раз по сравнению со старшими возрастными группами». Более того, получает распространение так называемая «NEET-молодежь» (Not in Employment, Education or Training). Появление этой «своеобразной социальной группы» связано «с ущемленным социальным положением (отсутствием социальных связей), с низким или некачественным уровнем полученного образования, отсутствием опыта работы» [Тощенко, 2018: 188, 189, 201, 206–207]. Прекаризации в значительной степени способствует фактор цифровизации социума, вытесняющий с рынка труда многие профессии, включая даже те, которые предполагают высокую квалификацию.

Возникла, как считал У. Бек, «парадоксальная метаморфоза»: «Во многих странах мира мы имеем самое высокообразованное поколение, однако оно подвержено невиданной ранее степени безработицы» [Beck, 2016: 196]. Метаморфозы затронули функциональность научного поля, производство научного знания, включая данные общественных наук. Обостряется конкуренция между представителями Big Data (команда Д. Трампа полагалась главным образом на них) и социологами-эмпириками за валидное знание о мыслях, чаяниях и чувствах людей, представляющих конкретные фрагменты социума и даже отдельные индивиды. Люди подчас даже не подозревают о тотальном цифровом надзоре и сборе о них информации [Mosco, 2017: 166]. Победители в этом противоборстве получают новые рабочие места, проигравшие – риски безработицы.

В-восьмых, *центробежные тенденции проникают внутрь семьи*. Под влиянием конфликта интересов между любовью, семьей и личной свободой традиционная долгоживущая семья метаморфозируется в «семью на данный момент» («for now») [Beck, 2016: 140]. Согласно З. Бауману, рождается тип «договорной семьи на время», обусловленный «текучестью любви», так как в современном обществе возникает нехватка укорененных, фиксированных связей. Связи «хрупки, легко распадаются, легко разъединяются, как только соединяются» [Bauman, 2003]. В результате традиционные гендерные роли, ранее обеспечивавшие предсказуемое будущее, укорененность в брачно-семейной структуре, сегодня деструктурируются, воспроизводя риски как для мужчин, так и для женщин. В частности, распространение получают обезличенные знакомства, виртуальный секс, «дистанционная любовь» (У. Бек), функциональность которых обеспечивается посредством цифровых технологий. Как результат, увеличиваются возраст вступления молодых людей в брак, позднее рождение первого ребенка, риски разводов.

В-девятых, под общим влиянием центробежных тенденций возникла специфическая разновидность *цифрового риска* в виде «риска цифровой свободы» (digital freedom risk) – по У. Беку, риск «невидимого тотального контроля на глобальном уровне», включающий «возможности контролировать личную информацию», «утрату национальным государством способности обеспечить демократический контроль». Данный риск «угрожает “только” некоторым основным достижениям современной цивилизации: личной свободе и автономности, частной жизни, основополагающим институтам демократии и права» [Beck, 2016: 141–142, 143]. Молодые люди, ценящие индивидуальные свободы, особо испытывают на себе последствия этого сложного риска, который, будучи невидимым, неосознаваемым, подрывает, однако, защиту частной жизни как важнейшего права человека. «Все мы становимся транспарентными..., практикуемый нами цифровой контроль уязвим. Империя контроля была потрясена не военной силой, восстанием, революцией или войной, а одним смелым человеком»: Э. Сноуден сделал секреты видимыми [Beck, 2016: 144].

В-десятых, в современном обществе парадоксально сосуществуют *рискофобия* и *рискофилия* [Кравченко, 2017]. Определенная часть людей, предпочитающая укорененный стиль жизни, более подвержена рискофобии, стремится избегать последствий ряда рисков, которые рассматриваются ими как крайне неблагоприятные для жизни, видя спасение от них в стабильных социальных практиках. Вместе с тем в молодежной среде зародилась и получает все большее распространение в целом центробежная тенденция – рискофилия. Социолог-рисколог С. Линг предложил теорию, название которой (edgework) состоит из сочетания двух слов: «edge – грань» и «work – деятельность», – дословный перевод «деятельность на грани». Оно применено для обозначения добровольно и сознательно принимаемого риска, что, по существу, представляет вызов для «нормального, укорененного» взаимодействия людей. Ее инструментарий предназначен для диагностики и анализа рискованных практик, предпринимаемых главным образом ради развлечения и удовольствия (бои футбольных фанатов, эротические танцы в ночных клубах, флирт на грани, «приключенческие каникулы»), а также включающих ряд видов профессиональной деятельности (служба в правоохранительных органах, природоохранных структурах, участие в спасательных операциях, игре на бирже и т.д.). Изучение деятельности на грани предполагает

выявление границ между здравомыслием и безумием, осознаваемым и бессознательным, жизнью и смертью. Однако понятие «грань» имеет принципиальное значение: «индивид не пересекает линию», стремясь избежать реальных проблем для здоровья и жизни [Lyng, 2008: 109–111]. Зачастую деятельность на грани предполагает использование молодыми людьми инновационных технических и цифровых средств. Ее участники, по их риск-восприятиям, стирают грани между ними самими и цифровыми реалиями. По существу, сформировался новый социальный тип – человек *цифрового риска*, чье центробежное поведение и мышление в терминах цифры способствуют предрасположенности к рискофилии. Мотивация таких юношей и девушек – принадлежность к «избранным», «малочисленной элите», погоня за «лайками». Принятие социально неодобряемого риска рассматривается ими не как глупость или иррационализм, а как свидетельство наличия высших качеств – воли, мужества, доблести, чувства собственного достоинства, способности производить *эффектные перформансы*, ориентированные на делокализованную аудиторию.

Квинтэссенция цифрового поворота: востребованность новых подходов к анализу и управлению центробежными реалиями. «Организованный, рациональный, укорененный» социум буквально на наших глазах «устаревает», обретая черты *центробежной сложности*, среди которых увеличивающаяся *фрагментация общества и социальных групп*. К этому добавляется то, что мир и жизнедеятельность людей стали носить «ускользающий» характер [Гидденс, 2004]. Чтобы валидно диагностировать новые центробежные реалии, пришлось создавать парадигмы, основанные на *синтезе социологических подходов с другими науками* и нацеленные на анализ относительно устойчивых, долгоживущих компонентов в ускользающей реальности. Среди них: лингвистический поворот (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Фуко); рискологический (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман); культурный (Дж. Александер); физикосоциологический (Дж. Рифкин); биосоциологический (С. Фуллер), а Дж. Урри предпринял попытку обоснования сразу трех новых поворотов в социологии – *сложности, мобильности и ресурсности*. Несмотря на интегральный характер всех этих поворотов, их теоретико-методологический инструментарий предполагает тот или иной *доминирующий детерминизм* (например, исходящий из главенствующей роли характера дискурса при анализе социокультурных реалий или экологического фактора в интерпретации климатических турбулентностей).

Инструментарий цифрового поворота *принципиально иной*, чем у других поворотов, что выражается в следующем. 1. У него *нет доминирующего детерминизма*, ибо цифровая реальность обретает *сверхсложный характер* – его валидная диагностика не может быть обеспечена выделением особо значимой роли отдельно взятого фактора или одной научной отрасли. Даже собственно цифровой инструментарий не годится для системного анализа, к примеру, мировых городов, являющихся «космополитическими сообществами риска», выразителями «суверенитета, политической и правовой организованной власти на локальном и глобальном уровне», для которых характерна «метаморфоза трафика», наличие «растущего числа внутригородских сетевых структур, играющих ключевые роли в производстве, распределении и применении новых политико-релевантных ноу-хау»; они также «создают новые глобальные моральные географии углеводородов, формируют новые разделяемые нормы, что означает практику ответственности и отчетности за урбанизационное развитие»; имеют дело с «новыми типами конкуренции, конфликтов и эксклюзии» [Бек, 2016: 171, 172, 174, 176, 177]. Аналогично, сверхсложное содержание обретает искусственный интеллект или цифровой «мир» машин. Простое перечисление лишь некоторых *сверхсложных реалий* свидетельствует, что для их диагностики, включающей анализ их *побочного ущерба* для жизнедеятельности человека, без чего немислимо эффективное управление ими, необходимы интегральное научное знание и учет достижений и возможностей инструментария всех наук.

2. Цифровой поворот научно рефлексивует относительно «*цифровой метаморфозы*». Ранее обоснованные повороты появились в результате *революционных преобразований* тех или иных сфер социума. Как считает У. Бек, ныне утверждается «цифровая

метаморфоза, являющаяся существенно отличной от цифровой революции. Цифровая революция отображает главным образом технологически детерминированное социальное изменение... Понятие революция предполагает, что изменение намеренное, линейное и прогрессивное... Цифровая метаморфоза, напротив, имеет дело с ненамеренными, зачастую побочными эффектами, которые производят метаморфизированных субъектов, т.е. цифровых человеческих сущностей», природа которых «ставит под вопрос такие традиционные категории, как статус, социальная идентичность, коллективность и индивидуализация» [Beck, 2016: 145–146]. Подчеркнем, социолог ведет речь о *радикальных изменениях природы общества и человека*.

3. Изначально цифровой поворот делает акцент не на центристских тенденциях и долгоживущих реалиях, а, напротив, на изучении *центробежных трендов* и выработке принципов управления *ускользающим короткоживущим социумом*. Для старта исследований в этом направлении можно выдвинуть пять принципов: 1) следует переориентировать государственное управление с масштабных социальных общностей (классов, наций), которые, по Б. Андерсону, становятся «воображаемыми сообществами» [Anderson, 1983], на акцентирование значимости отдельных *фрагментированных социальных объединений*, даже если их функционирование ограничено пространственно-временными границами. Необходимо признать, что ослабление центристских тенденций функционирования традиционных институтов (семья, соседство, школа, трудовой коллектив, единая мораль), способствовавших адаптации подрастающего поколения к возникающим жизненным неопределенностям, диктует необходимость реанимации якобы «полностью изживших себя, устаревших» структур, разумеется, с учетом утвердившихся новых реалий нелинейной социокультурной динамики. Речь не идет о возрождении *массовых молодежных организаций* типа пионеры или комсомола – слишком различны жизненные стили современных молодых людей. Поэтому нужно учиться управлять зарождающимися структурами, чья функциональность основана на интересах и потребностях относительно *малочисленных, короткоживущих социальных групп*, включая молодые семьи, организации фанатов, представителей прекариата, объединений наших соотечественников, живущих за рубежом; 2) важны инициативы по *изменению соотношения центристских и центробежных тенденций в пользу увеличения (сохранения) роли первых*. Полагаем, центристские тренды на новой основе могли бы быть реализованы в центрах спорта, здоровья, рекреации, отдыха, а также в инкубаторах научных и бизнес-инициатив, постоянно действующих профессиональных конкурсов, на соревновательных отборах кандидатов на управленческие должности; 3) в образовательной сфере необходим переход к вооружению учащихся знанием о побочных проявлениях процессов цифровизации общества, экономики, людей, что заложит интеллектуальный фундамент управления центробежными тенденциями; 4) важно на государственном уровне целенаправленно *создавать устойчивую морально-патриотическую атмосферу*, основанную на торжестве социальной справедливости, чествовании героев, победителей в разных видах деятельности. Особенно необходимо преодоление «текучих страхов», имеющих многочисленные и сложные причины, среди которых выделяются не столько реальные риски, сколько само *предчувствие* социально-природных и политических катаклизмов, последствий санкций; 5) распространение *пассивистских установок* само по себе не сменится *активистскими, пассионарными установками* – нужны конкретные меры и программы государственного управления. Если общество не направляет энергию людей на *созидание*, общественно полезную деятельность, оно «заболевает», последствия чего проявляются в *разрушении и деструктивности* [Фромм, 1995].

4. Для обеспечения *валидной диагностики* усложняющихся центробежных реалий интегрализм инструментария цифрового поворота и достижений других наук не может быть механически простым сложением передовых научных достижений. В этом синтезе, на наш взгляд, особую значимость обретает *единение цифрового и гуманистического поворотов*. Речь идет о преломлении результатов изучения центробежных тенденций через

призму интегральных социальных и гуманитарных теорий, а также адаптированного к социологии инструментария естественных наук, в частности, теорий хаоса, сложности, что выходит за пределы собственно социологического исследования, обретая качество общенаучного знания. «“Диагностика”, “диагноз” становятся междисциплинарными понятиями» [Горшков, 2011: 11]. Такая междисциплинарная диагностика позволила бы, с одной стороны, максимально учесть всевозможные парадоксы, дисперсии, метаморфозы, турбулентности социума, развивающегося в единстве с природой, новыми цифровыми реалиями, а с другой – осуществить поиск и утверждение адекватных им форм гуманизма, включая гуманистическую направленность любых научных исследований и инноваций, что ныне становится этическим императивом. Эта диагностика нацелена на раскрытие динамичной природы рисков, метаморфоз и собственно гуманизма в воззрениях, теориях, социальных практиках.

5. Предметная сфера интегрализма цифрового и гуманистического поворотов касается *переоткрытия места и роли молодежи* в современном обществе. Исторически молодое поколение было социально и материально зависимым от старшего поколения, что собственно, обуславливало конфликт отцов и детей. Однако обстоятельства жизни в одном социокультурном пространстве и одном времени данные противоречия смягчали и урегулировали достаточно успешно. Сегодня же социализация обретает *цифровой характер*, не имеющий непосредственного отношения к конкретным социальным мирам людей, к их прежним статусам и ролям. Более того, она подвержена *эффектам метаморфозы*. Если обычно социализация обозначает передачу от старшего поколения младшему ценностей и норм, необходимых для вхождения в существующий социальный и политический порядок, делая молодых людей собственно социальными существами [Парсонс, 2002], то ныне, считает У. Бек, с социализацией происходит метаморфоза: новые поколения «изначально олицетворяют цифровизацию – ставя ее не в конце, а в начале своей социализации... молодые поколения уже родились, как “цифровые сущности”». В результате «молодое поколение обретает силу над ее теряющим старшим поколением» [Beck, 2016: 188, 189, 191]. Соответственно, изменяется авторитет прежнего и новейшего знания, преобразуются зависимости между родителями, учителями, не прошедшими цифровую социализацию, и молодыми людьми, учащимися и студентами, что лишь усиливает центробежные реалии.

Выводы. Пришедшие в нашу жизнь цифровые риски и метаморфозы не просто принесли с собой социальные и культурные перемены, а радикально преобразуют природу общества и человека, высвобождая их от влияния прежних укоренностей. В ответ на вызовы возникших центробежных тенденций общество начало разработку новых управленческих подходов. На наш взгляд, этот процесс пока неадекватен возникшим реалиям. Вместе с тем есть надежда на то, что принятие учеными, а затем и политиками достижений цифрового и гуманистического поворотов может обеспечить переход цивилизаций и обществ к принципиально иному тренду развития. Наш оптимистический прогноз относительно этих возможностей основывается на следующих посылах: 1) новые акторы перемен в виде мировых городов, экологических движений, ряда научных сообществ все активнее выступают за гуманизацию социотехноприродных реалий; 2) идет осознание того, что формируется новый мировой порядок. Его интеллектуальной основой мог бы стать интегрализм цифрового и гуманистического поворотов; 3) существующий весьма глубокий межпоколенческий конфликт не вечен, и можно прогнозировать, что уже через поколение он в нынешних формах исчерпает себя, ибо практически социализация всех людей будет предполагать овладение ценностями и нормами, необходимыми для управления становящимися социотехноприродными реалиями; 4) уже сейчас возникают ростки укоренности нового типа в виде виртуальных, экологических и иных сообществ. При поддержке государства их роль будет возрастать; 5) моральный климат предполагает утверждение нового типа гуманизма, включающего космополитическую этику, преодоление «текучих» страхов, депрагматизацию знания, что является императивом минимизации сложных конфликтов и сохранения жизни на планете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бек К. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
- Горшков М.К. Российское общество как оно есть. М.: Новый хронограф, 2011.
- Горшков М.К., Петухов В.В. (ред.) Российское общество и вызовы времени. Книга пятая. М.: Весь мир, 2017.
- Кравченко С.А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 14–25.
- Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.
- Кравченко С.А. Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 3–13.
- Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академ. проект, 2002.
- Пузанова Ж.В. Проблема одиночества: социологический аспект. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 1998.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗХГИ, 2000.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Моногр. М.: Наука, 2018.
- Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. Избранные труды К. Хорни и Э. Фромма. М.: Юристъ, 1995.
- Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
- Anderson B. Imagined Communities: Reflexions on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983.
- Bauman Z. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. Cambridge: Polity Press, 2003.
- Beck U. Individualization. London: Sage, 2002.
- Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016.
- Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Second Ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Lyng S. Edgework, Risk, and Uncertainty // Zinn J.O. (ed.) Social Theories of Risk and Uncertainties: An Introduction. Malden, MA: Blackwell Publishing Ltd, 2008. P. 106–137.
- Mosco V. Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2017.
- Riesman D. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. New Haven, CONN: Yale University Press, 2001.
- Robertson R. Glocalisation: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds) Global Modernities. London: Sage, 1995. P. 25–44.
- Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008.

Статья поступила 18.03.19. Принято к публикации 18.06.19.

DIGITAL RISKS, METAMORPHOSES AND CENTRIFUGAL TRENDS AMONG THE YOUNG PEOPLE

KRAVCHENKO S.A.

Moscow State Institute of International Relations (University) of MFA of Russia, Russia

Sergey A. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of Sociological chair, Moscow State University of International Relations, MFA of Russia, Chief researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia (sociol7@yandex.ru).

Abstract. Emerging digital risks and metamorphoses have given impetus to the development of centrifugal tendencies that traumatize the minds and behavior of the young people freeing them from the context of traditional social ties. This has become a challenge for sociology and other social sciences – new approaches have become in demand for the diagnosis and management of societies. Developing effective management principles are impossible without analyzing the centrifugal tendencies in the context of their influence on the young people as a qualitatively new social group

in the form of «digital humans» (U. Beck). The article specifically discusses the emerging centrifugal trends: fragmentation of society; individualized forms of existence that are passive in nature; risks from other cultures; qualitative changes in ideas about happiness, justice, body; mobility, work, family gain a centrifugal character; paradoxical coexistence of riskophobia and riskophilia. It is argued that an integral instrument of digital and humanistic turns is necessary for the validation of diagnostics and the formation of new principles for managing centrifugal realities, in particular, aimed at: in governance taking into account the importance of individual fragmented associations whose functionality is limited by space-time boundaries; developing initiatives to increase the role of centripetal trends; arming of students with the knowledge of the collateral damage of the digitalization of society; creating a stable moral atmosphere based on the triumph of social justice, overcoming «liquid fears»; measures and programs for the development of activist attitudes. It substantiates the forecast about the possibility of the transition of civilizations and societies to the humanistic trend of development.

Keywords: complex society, digital risks, digital metamorphosis, digital socialization, digital youth, radical type of individualization, centrifugal tendencies, embedding, digital turn, humanistic turn.

REFERENCES

- Anderson B. (1983) *Imagined Communities: Reflexions on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
- Bauman Z. (2003) *Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2002) *Individualization*. London: Sage.
- Beck U. (2000) *Risk Society, Towards a New Modernity*. Moscow: Progress–Traditsiya. (In Russ.)
- Beck U. (2016) *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2010) *World at Risk*. Cambridge: Polity Press.
- Castells M. (2010) *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Foucault M. (2010) *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Fromm E. (1995) A Healthy Society. In: *Psychoanalysis and Culture: Selected Works by K. Horney and E. Fromm*. Moscow: Yurist. (In Russ.)
- Giddens A. (2004) *Runaway World: How Globalisation is Reshaping Our Lives*. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Gorshkov M.K. (2011) *Russian Society as It Is*. Moscow.: Novyj khronograf. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Petuhov V.V. (ed.) (2017) *Russian Society and Challenges of the Time*. Book five. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2014) «A Normal Anomie»: Contours of Conception. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–10. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2010) Dynamics of Contemporary Realities: Innovative Approaches. *Sotsiologicheskoye issledovaniya* [Sociological Studies] No 10: 14–25. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2017) The Coexistence of Riskophobia and Riskophilia – an Expression of «Normal Anomie». *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–13. (In Russ.)
- Lyng S. (2008) Edgework, Risk, and Uncertainty. In: Zinn J.O. (ed.) *Social Theories of Risk and Uncertainties: An Introduction*. Malden, MA: Blackwell Publishing Ltd: 106–137.
- Mosco V. (2017) *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Bingley: Emerald Publishing Limited.
- Parsons T. (2002) *The Social System*. Moscow: Akadem. proekt. (In Russ.)
- Puzanova Zh.V. (1998) *The Problem of Loneliness: Sociological Aspect*. Moscow: Izdatel'stvo Rossijskogo universiteta druzhby narodov. (In Russ.)
- Riesman D. (2001) *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. New Haven, CONN: Yale University Press.
- Robertson R. (1995) Globalisation: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds) *Global Modernities*. London: Sage: 25–44.
- Sorokin P.A. (2000) *Social and Cultural Dynamics: Research of Changes in Large Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relations*. Saint Petersburg: ZKhGI. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2018) *Preariat: from Proletariat to a New Class*. Monography. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Urry J. (2008) *Mobilities*. Cambridge: Polity Press.
- Weber M. (1990) Basic Sociological Concepts. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress. (In Russ.)

Received: 18.03.19. Accepted: 18.06.19.